

К постановке «На покойной цепи» в Гос. Белорусск. еврейском театре.

Благодаря участию художника Сухер-Бер-Рыбака в оформлении постановки М. Рафальского—драматической поэмы Переца «На покойной цепи»,—мы впервые встретимся в Москве, вплотную, с еще одним своеобразным и интересным мастером нашего времени. До сих пор деятельность Рыбака протекала, главным образом, на Украине и за границей.

В предстоящей постановке резко отмежевываются два мира умирающего и нарождающегося еврейства: мир клерикальных и суевер-

ных евреев и мир ремесленников, подмастерьев, будущего еврейского пролетариата. Между обоими мирами мятется еврейский юноша—ещеботник, влюбленный в дочь богатого еврея, уже сосватанную за другого. Борьба одинокого ещеботника и борьба классов этих обоих миров—дают коллизии драматизма. Ещеботник ненавидит старый быт и не умеет пристать к новому. Он обреченный к гибели и смерти—созерцатель, поэт нирваны и пассивный философ.

С. М.

ОТ СЕВАСТОПОЛЯ ДО ЯЛТЫ.

У «Крымкурсо» большой день—прибыли новые машины из Италии марки «Фиат». Комиссия выезжает из Севастополя по направлению к Ялте. Тихо, без толчков, по исправленной шоссеной дороге быстро катим вперед.

Прошу рассказать мне о жизни и деятельности «Крымкурсо», столь важной Государственной единицы из числа нашего молодого автомобильного транспорта.

Акц. Об-во «Крымкурсо» состоит из пайщиков: Автопромторга, Крымкоммунхоза и Цугаз'а с капиталом в 1.555.000 рублей. В связи с застоем железнодорожного строительства, вызванного империалистической войной 1914 года, и недостаточностью приспособленности паромных сообщений по Крыму, в районах расположения наиболее красивых его мест (Форос, Мисхор, Мухалатка, Симеиз, Гурзуф, Алушта и другие), которые обслуживаются преимущественно шоссеными дорогами, при беспорядочном курсировании частного автомобильного и конного транспорта, эксплуатировавшихся приезжающих в Крым, образовано Анционерное Общество «Крымкурсо».

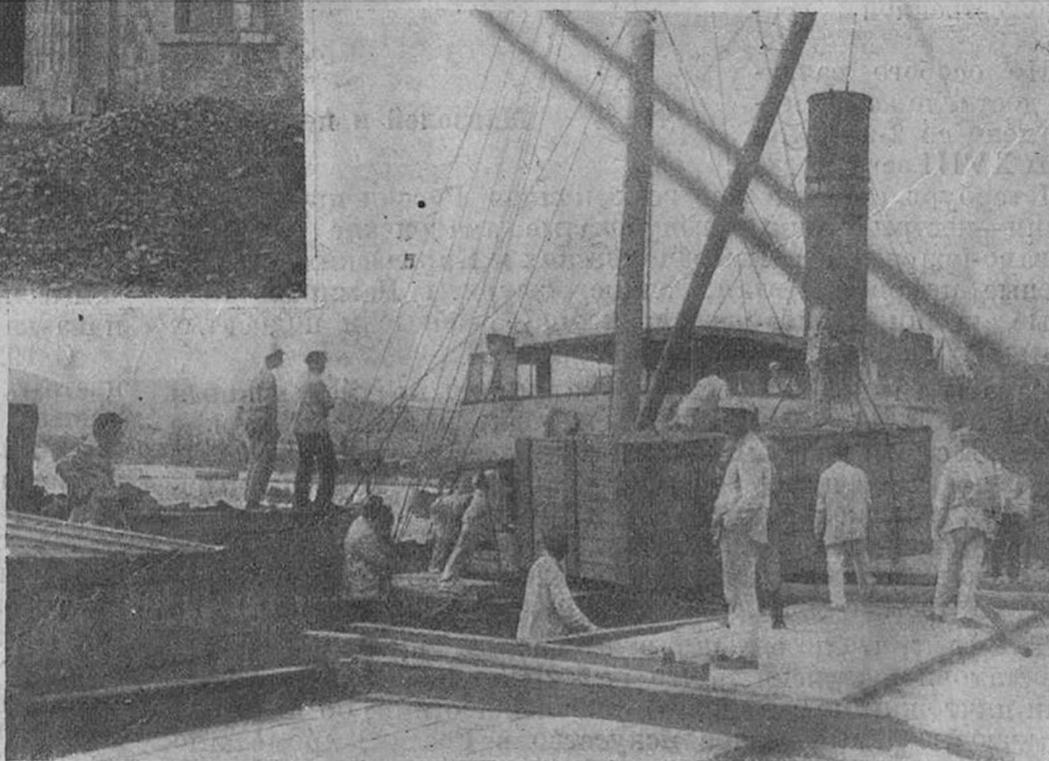
Но наравне с этим уделяется также внимание и другой стороне дела, а именно, для удобства отдыхающих имеются гостиницы, пансионаты, справочные конторы, комиссионерство по заблаговременной доставке железнодорожных билетов на дом, экскурсионные базы

и станции с удешевленным до крайнего минимума ночлегом и питанием, морские поездки по экскурсионным маршрутам на собственных моторных катерах Общества.

Автомобиль подходит к станции «Байдары». Из Байдар выехали около 8-ми часов вечера и через 2 часа и 12 мин. приехали в Ялту. Поздно, но Ялта живет, набережная усеяна отдыхающими, которые с упоением смотрят на красивое море... Утром предстоит поездка в Алушку, осмотр пансионата «Ялта», а потому покупаем запоздавшие московские газеты и отправляемся в гостиницу.

8 часов утра—море воды, море солнца, красивые чайки носятся над морем.

Едем осматривать пансион «Ялта», расположенный на горе Дорсан в лучшей части гор. Ялты. Чудное помещение, море цветов, фантаны и все блещет новизной, пахнет свежей краской. Трудно верить

глазам, что ты видишь перед собой бомбоньерку, а не развалину, что представляло из себя это здание в прошлом году. Чудный вид открывается взору с балконов «Ялты», а их без конца...

Поездка в Алушку дала истинное наслаждение. Машина развивала скорость 90 километров в час, несмотря на крутые виражи дороги. Ожидается еще партия новых машин, что даст возможность перефрезить от 60 до 70 тысяч человек.

На снимках: У Байдарских ворот и разгрузка в Севастополе вновь прибывших из Италии машин.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор.—25 копеек.

КРАСНАЯ ЗИВА

№ 31. Третий год издания. 26 Июля 1925 г. Москва. Третий год издания. № 31.

Фото-этиюд Н. Петрова.

На сенокосе.

КРАСНАЯ НИВА

№ 31 — 26-го июля 1925 г.

У ВОРОТ.

Рассказ И. Соколова-Микитова.

На Николу летнего, в рабочую передышку, в первый летний теплый вечер на глухой Хотеев хутор зашел Филя Дудач, возвращавшийся из лесу, из лык,—положил топор и сел у ворот на травку. Вечер был тихий, легкий, солнце над макушами закатывалось в чистейшее золото: к доброй погоде. Густо пахло березой и молодой зеленой травой. С лугов и от леса тянул теплый ветер, колыхал на березах молодые нежные листья.

К Дудачу подсел хозяин хутора Хотей Белый (на деревне был и другой Хотей—Черный, Хотей Жук), сутулый и длинный, крепко загоревший под первым горячим солнцем.

— Покурить найдется?—спросил он, подбирая босые длинные ноги, черные от земли и навоза.

Дудач добыл из кармана кисет, размотал шнурок и вынул сложенный книжкой кусок печатной бумаги.

— Добрый сегодня вечер!—сказал он, кладя на землю кисет и подавая Хотю бумагу,—зеленя пойдут шибко.

— Погода устоится,—ответил Хотей,—паука много. Должны зеленя быть.

Отделив бумажки, мужики стали неспеша крутить цыгарки. С поля шла скотина, впереди стада понуро брел бычек. Со двора выскочила простоволосая бойкая девочка и заскрипела воротами. Мужики помолчали, проводили глазами скотину и начали свертывать цыгарки.

— Что нового слышно?—спросил Хотей.

— Новенького?—ответил Дудач.—Есть новенькое.

— Сказывай,—попросил Хотей.

Дудач взглянул на него боком. Большие его, белые, немужичьи усы топорщились по-рачьи, глаза смотрели хитро, было в них такое выражение, точно он один от всех знал какую-то ядовитую тайну. Цыгарку он слюнил долго, шевелил усами, мял заостренными пальцами. Потом вынул из кисета

Борьба в Китае. Демонстрация гимназисток Пекина против иностранного вмешательства. Демонстрантки проходят мимо министра по иностранным делам со знаменами революционных организаций.